

Prosecution of a knowingly innocent person or unlawful initiation of criminal proceedings (Article 299 of the Russian Criminal Code): issues of legislative technique and law enforcement

A. A. Radchenko¹

¹Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-92-101

Research article
Full text in Russian

Based on the analysis of scientific sources and judicial practice, the article examines the issues of legislative construction and practical application of Article 299 of the Russian Criminal Code. As a result of the conducted research, it is concluded that the shortcomings of legislative technique that were made during the construction of the relevant criminal law prohibition have a negative impact on the effectiveness of the application of Article 299 of the Russian Criminal Code in order to counteract official crimes in the law enforcement sphere. It is proposed that the objective side of the disposition of Article 299 of the Russian Criminal Code be described using the procedural category of "criminal prosecution," which should adequately reflect the realities of the criminal situation and the range of socially dangerous acts that should be criminalized.

Keywords: Crimes against justice; bringing to criminal liability; bringing as an accused; criminal prosecution

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Radchenko, Alexei A. | E-mail: radchenko_alex@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Radchenko A. A. Prosecution of a knowingly innocent person or unlawful initiation of criminal proceedings (Article 299 of the Russian Criminal Code): issues of legislative technique and law enforcement // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 1. P. 92-101. (in Russ.)

Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения

А. А. Радченко¹

¹Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Иркутск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-92-101
УДК 343.36

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье на основе анализа научных источников и судебной практики рассматриваются вопросы законодательного конструирования и применения на практике ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

В результате проведенного исследования делается вывод о допущенных при конструировании соответствующего уголовно-правового запрета недостатках законодательной техники, негативным образом отражающихся на эффективности применения ст. 299 УК РФ в целях противодействия должностным преступлениям в правоохранительной сфере. Предлагается при описании объективной стороны в диспозиции ст. 299 УК РФ использовать процессуальную категорию «уголовное преследование», которая должна адекватно отразить реалии криминогенной ситуации и круг общественно опасных деяний, которые должны быть криминализированы.

Ключевые слова: преступления против правосудия; привлечение к уголовной ответственности; привлечение в качестве обвиняемого; уголовное преследование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радченко, Алексей Андреевич

E-mail: radchenko_alex@mail.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Для цитирования: Радченко А. А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ): вопросы законодательной техники и правоприменения // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 1. С. 92-101.

Проблема необоснованного использования должностными лицами возможностей уголовной юстиции достаточно остро стоит в современных условиях и требует системного подхода для повышения эффективности противодействия соответствующим преступным проявлениям в правоохранительной сфере.

Глава 31 УК РФ «Преступления против правосудия» содержит ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное

возбуждение уголовного дела», запрещающая деяние, которое непосредственно посягает на правоохранительное назначение уголовного судопроизводства – защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), и «ставит под удар» одну из краеугольных ценностей современного правосудия – презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

Общественная опасность данного деяния имеет сложное и комплексное проявление. Во-первых, указанное преступление посягает на интересы правосудия путем дезорганизации конкретного уголовно-процессуального правоотношения и причиняет вред правоохранительной системе в целом, подрывая авторитет правоохранительных органов и доверие населения к системе уголовной юстиции. Во-вторых, причиняет лицам, незаконно вовлекаемым в орбиту уголовного судопроизводства, широкий спектр негативных последствий: моральные вред и нравственные страдания, подрыв чести и репутации, необоснованное ограничение прав и законных интересов личности, возможный материальный ущерб, которые зачастую носят невосстановимый характер [1, с. 304–305; 2, с. 131–132; 3, с. 162–163].

В этой связи интересна ситуация с количеством выявляемых преступлений по ст. 299 УК РФ и реальными масштабами незаконного привлечения к уголовной ответственности (табл. 1–3).

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений¹

Статья УК РФ	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	За все годы
ст. 299	5	5	4	1	6	8	8	11	13	37	17	115

Таблица 2

Количество выявленных лиц²

Статья УК РФ	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	За все годы
ст. 299	8	1	7	1	2	6	9	4	9	2	2	51

Таблица 3

Количество осужденных лиц³

Статья УК РФ	Год											
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	За все годы
ч. 1–2 ст. 299	3	1	8	4	0	2	4	1	6	0	9	38
ч. 3 ст. 299	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0

¹ Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности». URL: https://crimas.ru/?page_id=5050.

² Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности». URL: https://crimas.ru/?page_id=5050.

³ Данные из формы ведомственного статистического наблюдения № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации».

Из приведенных материалов очевидно, что за период 2014–2024 гг. зарегистрировано всего 115 указанных преступных деяний и выявлено 51 лицо, их совершивших. При этом осуждено по ст. 299 УК РФ за рассматриваемый период было 38 человек. В 2022–2024 гг. отмечено некоторое увеличение числа рассматриваемых преступлений. В частности, в 2023 г. зафиксировано «рекордное число» – 37 деяний, из которых 34 были выявлены в г. Москве. Однако скачок зарегистрированных фактов преступных деяний не нашел адекватного отражения в раскрываемости преступлений и осуждении лиц, т. к. в 2023 и 2024 гг. было выявлено по 2 лица, совершивших указанные преступления, и только в 2024 г. было осуждено 9 лиц.

Еще более показательна ситуация с составом «незаконного возбуждения уголовного дела» (ч. 3 ст. 299 УК РФ), который был введен в уголовное законодательство Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ⁴. В пояснительной записке⁵ к законопроекту указанная норма позиционировалась как направленная на усиление ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, повлекших необоснованное уголовное преследование предпринимателей и прекращение ими хозяйственной деятельности. В итоге принятие закона должно было позволить обеспечить условия не только для исключения возможности давления на бизнес с помощью механизмов уголовного преследования, но и для создания благоприятного делового климата в стране.

Однако еще в процессе рассмотрения и принятия законопроекта в науке высказывались критические суждения по поводу перспектив практического применения предлагаемой нормы, обусловленные изъянами законодательной техники при формулировании уголовно-правового запрета, в частности, использования в качестве обязательных признаков состава преступления сочетания субъективных моментов и последствий преступления в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, что повлекло прекращение данного вида деятельности либо причинение крупного ущерба [4; 5, с. 27–30; 6, с. 60–64].

В итоге с 2017 по 2024 гг. не зафиксировано ни одного факта осуждения виновных лиц с квалификацией по ч. 3 ст. 299 УК РФ. Следовательно, можно констатировать, что за 8 лет действия нормы она ни разу не применялась в судебной практике и соответственно уголовно-политический эффект её принятия не достигнут. Особенно необъяснимым выглядит отсутствие применения ч. 3 ст. 299 УК РФ на фоне значительного числа отменяемых вышестоящими руководителями и прокурорами постановлений о возбуждении уголовного дела. Например, в 2016 г. прокурорами отменено 19 359 постановлений о возбуждении уголовного дела, а в 2017 г. прокуроры отменили 17 205 таких постановлений [7, с. 103].

Так, фактически безрезультатно завершилось судебное рассмотрение дела о массовом незаконном возбуждении уголовных дел. 13 сотрудников отдела по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП) Промышленного РОВД г. Оренбурга

и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам». URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5>.

⁴ О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ // Российская газета. 2016. 23 дек.

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 15810-7 «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

обвинялись в том, что они незаконно возбудили 60 уголовных дел, чтобы улучшить статистику по раскрываемости преступлений. Изначально прокуратура настаивала на привлечении их к ответственности по статьям 285, 286, 292 и 299 УК РФ, но уже в ходе судебного разбирательства обвинители отказались от привлечения сотрудников органов внутренних дел по статьям 292 и 299 УК РФ. В заключении суд полностью оправдал двух сотрудников ОБЭП, а остальных приговорил к штрафам, но отменил наказание за истечением срока давности совершенных ими преступлений⁶.

Представляется, что приведенные статистические сведения следует оценивать с поправкой на высокую степень латентности; различные криминологические исследования, данные правозащитных организаций, материалы СМИ и опросы экспертов и других респондентов свидетельствуют о достаточно широкой распространенности должностных преступлений сотрудников правоохранительных органов [8, с. 56–60; 9, с. 96–97; 10, с. 68–69].

Так, широкий общественный резонанс получило дело журналиста Ивана Голунова, который 6 июня 2019 года был задержан в центре г. Москвы. При задержании оперативными сотрудниками полиции в рюкзак И. Голунова были подложены наркотические средства, которые были изъяты в ходе личного досмотра в помещении УВД по ЗАО г. Москвы. В ходе обыска по месту жительства И. Голунова были обнаружены свертки с кокаином и весы со следами наркотических средств, которые также были подброшены полицейскими, участвующими в проведении обыска. В отношении И. Голунова было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, он был заключен под домашний арест.

Однако 11 июня 2019 г. уголовное преследование И. Голунова было прекращено в связи с недоказанностью его причастности к незаконному обороту наркотиков, о чем лично в ходе видеобращения заявил министр внутренних дел В. Колокольцев. Также были освобождены от должности начальник УВД по ЗАО генерал-майор А. Пучков и начальник УКОН генерал-майор Ю. Девяткин.

18 декабря 2019 г. Следственный комитет России возбудил уголовное в отношении пятерых сотрудников УВД по ЗАО г. Москвы. 28 мая 2021 г. Московский городской суд признал бывших сотрудников МВД России виновными в превышении должностных полномочий (п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и незаконном обороте наркотиков (ч. 2 ст. 228 УК РФ) и приговорил их к лишению свободы на сроки от 5 до 12 лет в колонии общего режима⁷.

На низкую эффективность правоприменительной практики по ст. 299 УК РФ оказывает влияние не только несовершенство законодательной техники, используемой при конструировании соответствующего состава преступления, но и несоответствие содержания объективных и субъективных признаков реалиям уголовно-процессуальной деятельности и особенностям функционирования органов правопорядка и уголовной юстиции [11, с. 12–13]. [12, с. 26].

Генетическая взаимосвязь материального уголовного права и уголовного процесса детерминирует частно-терминологическую зависимость и взаимопроникновение указанных отраслей права [13, с. 10]. В этой связи Л. Л. Кругликов и его

⁶ Милиционерам простили уголовные подделки за сроком давности // Коммерсантъ. 2006. 31 авг.

⁷ URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-moskovskom-gorodskom-sude-vynesen-prigovor-v-otnoshenii-politsejskih-prevysivshih-dolzhnostnye-polnomochiya>; <https://www.kommersant.ru/doc/4835897> (дата обращения: 24.01.2026).

ученики – представители Ярославской уголовно-правовой школы – неоднократно акцентировали внимание на необходимости однозначности использования юридической терминологии в законодательстве и «чистоты» языка в ходе правоприменения [14, с. 459–464; 15, с. 26–27].

В плане использования терминологии уголовно-правовой запрет в ст. 299 УК РФ фактически воспроизвел положения ранее существовавшей ст. 176 УК РСФСР со всеми недостатками законодательной техники, порождающими прикладные правоприменительные проблемы. Основным камнем преткновения системного характера в указанной норме выступает трактовка «привлечения к уголовной ответственности» как важнейшего конструктивного элемента объективной стороны данного преступления. Сложность толкования указанного оборота обусловлена его неразрывной связью с такой важнейшей и концептуальной, но вместе с тем остро дискуссионной категорией уголовного права, как «уголовная ответственность».

При этом в доктрине уголовного права [1, с. 305–307; 3, с. 164–165; 16, с. 309–310, 317–320] и судебной практике⁸ применительно к рассматриваемому составу преступления объективная сторона трактуется как совершение уполномоченным лицом процессуальных действий по привлечению лица в качестве обвиняемого.

Примечательно, что в уголовно-процессуальном законодательстве наблюдается раздельное использование категорий «привлечение в качестве обвиняемого» (ст. 47, 171, 172 УПК РФ) и «привлечение к уголовной ответственности» (п. 2 ч. 1. ст. 154, ч. 3 ст. 214 и ч. 3 ст. 414 УПК РФ). Несмотря на это, в доктрине уголовного процесса наблюдается их смещение за счет употребления оборота «привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого» [17, с. 20–21; 18, с. 28–33].

С учетом того, что проблемы определения понятия, сущности и содержания уголовной ответственности выступали неоднократно предметом многочисленных фундаментальных исследований и изучение данных вопросов не охватывается предметом настоящей работы, попытаемся кратко резюмировать имеющиеся в данной сфере изыскания в преломлении к конструкции ст. 299 УК РФ.

Анализ нормативных положений главы 23 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что привлечение в качестве обвиняемого состоит из последовательных процессуальных действий и решений представителей стороны обвинения: вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) → извещение лица о дне предъявления обвинения и разъяснение права на участие защитника в этом процессуальном действии (ч. 2–4 ст. 172 УПК РФ) → предъявление обвинения и разъяснение обвиняемому существа обвинения и его прав (ч. 5–9 ст. 172 УПК РФ) → допрос обвиняемого (ст. 173 УПК РФ).

Теперь остановимся на категории «привлечение к уголовной ответственности». Вслед за целым рядом видных ученых под уголовной ответственностью следует понимать отрицательную, основанную на уголовном законе оценку (осуждение) общественно опасного и противоправного деяния и лиц, виновных в его совершении, со стороны государства, выраженную в обвинительном приговоре, связанную с приме-

⁸ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.07.2005 № 21-005-5; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.09.2007 по делу № 47-007-46; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.09.2008 № 5-008-167; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.05.2011 № 80-011-7; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2012 № 37-012-9; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 07.09.2016 № 72-П16 // СПС «КонсультантПлюс».

нением уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера и судимостью либо не связанную с ними [19, с. 31; 20, с. 18–19; 21, с. 33–34; 22, с. 45–46].

Очевидно, что привлечение к уголовной ответственности возможно только на основании приговора суда, вынесенного в надлежащем порядке и вступившим в законную силу. Предшествующую уголовно-процессуальную деятельность, в т. ч. привлечение в качестве обвиняемого, необходимо рассматривать лишь как создание условий практической реализации уголовной ответственности путем установления и фиксации соответствующих материальных оснований (ст. 8 УК РФ) и процессуальных условий (ч. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 14 УПК РФ).

С учетом изложенного необходимо сделать вывод, что «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» не являются тождественными понятиями и представляют собой категории, имеющие самостоятельное правовое содержание и значение [23, с. 52–56].

Изложенное позволяет сделать весьма парадоксальный вывод, на который в науке зачастую не обращается внимание: в нынешней редакции ст. 299 УК РФ описывает частный случай вынесения заведомо неправосудного судебного решения (ст. 305 УК РФ) – обвинительного приговора в отношении заведомо невиновного. Причем выделение указанной специальной нормы никак необъяснимо с точки зрения общественной опасности преступлений, т. к. санкции указанных статей практически тождественны. Фактически происходит логически необоснованное дублирование правового запрета, что свидетельствует об отсутствии системности в вопросах регулирования уголовной ответственности за преступления против правосудия.

В этой связи, в целях придания данному предписанию реальной социально-правовой обоснованности и эффективности в плане противодействия должностным преступлениям в правоохранительной сфере, заслуживает поддержки предложение о реформировании указанной правовой нормы и использовании в диспозиции процессуальной категории «уголовное преследование» [24, с. 49–51; 25, с. 125; 26, с. 9, 87; 27, с. 13, 67].

Так, в п. 55 ст. 5 УПК РФ «уголовное преследование» трактуется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Однако в указанной дефиниции отображается только сущность «уголовного преследования», содержание же указанной деятельности подробно исследуется в науке уголовного судопроизводства [28, с. 18; 29, с. 39, 47; 30, с. 214–218].

Таким образом, комплексный анализ УПК РФ и научных источников позволяет сделать вывод, что с содержательной стороны структура уголовного преследования включает:

- 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 2) выдвижение в отношении конкретного лица подозрения в совершении преступления;
- 3) задержание лица, применение к нему мер пресечения или иных мер процессуального принуждения;
- 4) формулирование и предъявление обвинения в преступлении: привлечение лица в качестве обвиняемого при производстве предварительного следствия или обвинительного акта при производстве дознания;
- 5) составление и утверждение обвинительного заключения при производстве предварительного следствия;

- б) направление дела в суд с обвинительным заключением или актом;
- 7) поддержание государственного обвинения в суде.

Реализация указанного предложения по оперированию в законодательной диспозиции ст. 299 УК РФ широкой по объему категорией «уголовное преследование» позволит решить целый ряд проблем, возникающих при толковании и применении данной нормы.

Ключевым моментом является то, что подобная конструкция позволит адекватно отразить реалии криминогенной ситуации в правоохранительной сфере и круг общественно опасных деяний, которые могут быть криминализированы посредством 299 УК РФ. Так, с точки зрения социальной обусловленности содержание объективной стороны в рассматриваемой норме не должно ограничиваться незаконным возбуждением уголовного дела в отношении предпринимателей и привлечением в качестве обвиняемого. Заведомо незаконное осуществление обвинительной процессуальной деятельности – уголовного преследования в иных формах, на наш взгляд, также обладает достаточной общественной опасностью для возведения в ранг преступления.

Однако, внося предложения по реформированию ст. 299 УК РФ через использование при описании объективной стороны категории «уголовное преследование», не стоит забывать о необходимости системного подхода к данной проблеме и соответственно корректировке других взаимосвязанных с указанной правовой нормой статей УК РФ.

Как отмечает К. Л. Чайка, задержание и заключение под стражу в этом случае будут выступать составляющими элементами незаконного уголовного преследования, поэтому самостоятельную ответственность за данные деяния целесообразно исключить из УК РФ [27, с. 173]. Следует также поддержать позицию специалистов, полагающих, что субъектом заведомо незаконного заключения под стражу или его продления является только судья и его действия необходимо квалифицировать по ст. 305 УК РФ, а это ведет к необходимости исключить из диспозиции ст. 301 УК РФ указания на «незаконного заключения под стражу» [1, с. 342-343; 32, с. 148-149].

В итоге от состава преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, остается лишь незаконное содержание под стражей, совершенное начальником места содержания под стражей, который не освободил обвиняемого (подозреваемого) при наличии законных оснований. Однако в данной ситуации, на наш взгляд, следует солидаризироваться с учеными, утверждающими, что в указанном случае целесообразна квалификация по совокупности ст. 127 и 286 УК РФ, т. к. указанные действия не посягают на общественные отношения в сфере правосудия [3, с. 164; 25, с. 188-189].

Следовательно, при предлагаемом системном реформировании уголовного закона путем использования оборота «незаконное уголовное преследование» отпадает необходимость самостоятельного наличия в уголовном законе ст. 301 УК РФ, т. к. регламентированные ей деяния в полном объеме будут входить в состав преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ.

Таким образом, в силу системной взаимосвязи отраслей права и требований законодательной техники, представляется необходимым при описании объективной стороны преступления в ст. 299 УК РФ оперировать конструкцией «незаконное уголовное преследование». В целях единообразия практики применения ст. 299 УК РФ целесообразно отразить толкование содержания указанной категории в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях против пра-

восудия. Реализация указанных предложений позволит решить целый ряд проблем, возникающих при толковании и применении данной нормы в процессе правоприменения, и повысить эффективность противодействия должностным преступлениям в правоохранительной сфере.

Ссылки

1. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: Преступления против правосудия. М., 2008. 560 с. EDN QQWKIH
2. Зацепина Е. М., Чучаев А. И. Уголовно-правовая защита личности в уголовном процессе. М., 2011. 184 с.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. 491 с. EDN TKIAWZ
4. Долотов Р. УК РФ запретил "кошмарить" бизнес только корыстным силовикам. URL: <https://legal.report/author-16/koshmarit-biznes-razreshat-bescelno-i-beskorystno>.
5. Симоненко А. А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ): оценка новеллы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 26-30. EDN VQLNXA
6. Сухаренко А. Н. Уголовно-правовая защита бизнеса от незаконного преследования // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 60-64. EDN YHFLFR
7. Симоненко А. А. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному уголовному преследованию: оценка эффективности // Lex russica. 2018. № 12. С. 101-108. DOI 10.17803/1729-5920.2018.145.12.101-108
8. Намнясева В. В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4. С. 55-62. DOI 10.25724/VAMVD.EKLM
9. Синельников А. В. Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 94-101. EDN QBFBRP
10. Яшин А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия // Общество, политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 66-70. DOI 10.24158/пер.2020.4.11
11. Шиханов В. Н. Конструирование системы мер уголовно-правового воздействия в условиях постсовременного российского общества. Иркутск, 2024. 123 с. EDN GOBDGI
12. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2014. 352 с. EDN YHFTJF
13. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. 219 с.
14. Кругликов Л. Л. Юридическая терминология (язык) правоприменительных актов уголовно-правового содержания // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 459-464. EDN RCGITH
15. Иванчин А. В. Взгляды Л. Л. Кругликова на законодательную технику - одна из "несущих конструкций" Ярославской уголовно-правовой школы // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 20-31. EDN VTBITX

16. Кудрявцев В. Л. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности // Энциклопедия уголовного права. Т. 28: Преступления против правосудия. СПб, 2017. 1124 с.
17. Ларин А. М. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого // Советская юстиция. 1978. № 1. С. 20-26.
18. Ефимычев С. П. Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого - этап стадии предварительного расследования // Правоведение. 1985. № 5. С. 28-33. EDN TXSZQN
19. Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009. 100 с.
20. Ткачевский Ю. М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 6. С. 3-19.
21. Шарапов Р. Д. Понятие уголовной ответственности: закон, теория, практика // Вестник Университета Генеральной прокуратуры РФ. 2022. № 2. С. 29-37. EDN IFISCO
22. Кропачев Н. М, Прохоров В. С. Механизм уголовно правового регулирования: уголовная ответственность. СПб., 2000. 60 с.
23. Варпаховская Е. М., Радченко А. А. Спорные вопросы соотношения категорий "привлечение в качестве обвиняемого" и "привлечение к уголовной ответственности" // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. №. 2. С. 52-56. EDN OKAAEB
24. Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности. Омск, 2022. 180 с.
25. Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. 416 с.
26. Лебедев А. Г. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по уголовному праву России: дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 246 с. EDN: NMULET
27. Чайка К. Л. Уголовно-правовая охрана безопасности личности в уголовном судопроизводстве: дис.... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 230 с. EDN NNBCNR
28. Гаврилов В. В. Слово государственному обвинителю. Поддержание государственного обвинения в суде. Саратов, 1998. 256 с.
29. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы совершенствования в условиях правовой реформы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 260 с. EDN NLKJYR
30. Лукашевич В. З. Актуальные вопросы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Правоведение. 2006. № 6. С. 214-219. EDN MUYIQT